

45

РАИСА
КОТОВСКАЯ

**НОЧНОЙ
ДОЖДЬ**

РАИСА КОТОВСКАЯ

НОЧНОЙ ДОЖДЬ

СТИХИ

СТАВРОПОЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1982

ЗВУЧАНИЕ САМОЙ ДУШИ

На VII Всесоюзном совещании молодых писателей Раиса Котовская была в семинаре, которым я руководил вместе с поэтами В. Субботиным, В. Берестовым и В. Гордейчевым. И большая подборка ее стихов, сопровождаемая разборами двух поэтов, опубликована в журнале «Литературная учеба».

Чем привлекают стихи Котовской?

Прежде всего, пожалуй, достоверностью, правдой пережитого, испытанного. Я имею в виду не просто жизненный опыт, а его поэтическое претворение. У Раисы — потомственной железнодорожницы — трудовая биография. Отнюдь не со школьной скамьи она поступила на заочное отделение Литературного института. Критики иногда умиляются по поводу таких фактов. Своими стихами Котовская не дает никаких поводов к умилению. Что ж, что в пятнадцать лет пошла, работать, была проводницей, училась заочно?.. Важны не сами по себе эти факты, а то, какое влияние они оказали на формирование характера, личности.

Характер этот я начинаю ощущать со строк одного из первых стихотворений Котовской — «Станция формирования», где сказано, что пахнет далью, степью, поездом шинель рабочая отца. Деталь не проходная, не случайная, она — от уже поэтически осмысленного представления об этой работе, о железнодорожниках, о станции.

Можно сказать, тут заключается ключ, исток творческого начала Раисы. Отсюда отправляется ее поезд, которому предстоит за далью даль... Пока еще не велик состав, недостаточно опытен машинист, но он знает маршрут, готов к трудностям.

Не парадным шагом идет Раиса Котовская в поэзию, путь ее, может, порой даже мучителен, так как начало несколько подзатянулось (это вообще характерно для нынешних молодых). Но так и закаляется характер, вырабатываются его устойчивые черты, приходит совершенно необходимая в искусстве готовность к полной самоотдаче. Это чувствуется по стихам Раисы, это, я думаю, заметит вдумчивый читатель.

И еще одно. Котовская успешно делает попытку преодолеть притяжение «станции формирования». Процесс этот не безболезненный, но закономерный. От того, насколько естественно он будет протекать, насколько естественно новый опыт, новые знания будут обогащать молодую поэтессу, и находить при этом эстетически убедительные воплощения в стихах, и зависит ее творческая судьба.

Ал. Михайлов

***

Вся Россия весенняя — в белом.
Предо мной - и поля, и века...
Что ж я вновь у холста оробела?
Мал мой холст, а страна велика.

Как я справлюсь с такою задачей -
Написать пятилетки, бои
Хоть бы в этой станице казачьей,
Где батрачили предки мои?

Сколько надо холста и бумаги,
Чтоб на них поместились вполне
Только те, кто в труде и отваге
Стали притчей в моей стороне!..

Вся Россия весенняя — в белом,
И над нею белы облака.
Что ж я вновь у холста оробела?
Мал мой холст, а любовь велика.

Но она не имеет значенья,
Если так и замкнется во мне,
Не найдя своего воплощения
На земле или па полотне.

***

Мама до света вставала,
Выбегала за порог
И золою посыпала
Скользкий утренний ледок.

Шла с ведерком по метели
С бугорка па бугорок...
Что ты, мама, в самом деле?
Ведь до школы путь далек!

Ты б до самой школы, сжалась,
Тропку выстлала золой,
Если б люди не смеялись
Над тобой и надо мной...

Далеко, как будто с вышки,
Вижу: в белой полумгле
Мама в стареньком пальтишке
Па заснеженной земле

Стелет тропку, стелет, стелет,
Посыпая на ледок...
Что ты, мама, в самом деле?
Погляди, как путь далек.

***

Сестер полуголодная орава
Затеет о нарядах зряшный спор.
И мама тихо вымолвит, бывало:
«Мы строимся — какой гут разговор!»

Мы строились. Родителям, по силе
Мы помогали в ревностном пылу.
Месили глину и кирпич носили,
А ночью крепко спали на полу.

Мне снился дом высокий и красивый,
И я не знала, что не мне одной.
Недоедая, строилась Россия,
Израненная страшною войной.

***

- Где нога твоя, деда Игнат?
- На войне потерялась она.
- Так сходи на войну за ногой
- Не найду и вернусь без другой...

И сидят на полу, говорят
Мальчик Гена и деда Игнат.
И тачает Игнат сапоги
Внуку Генке на обе ноги.

ПО ШПАЛАМ

А паровоз — косматый, словно леший,—
Глядит из - под нечесаных дымов
И знает: шпалы сделаны для пеших,
А рельсы — для колес, для поездов.

Железный путь, взвивающийся круто.
Железный путь без края и конца.
Но пахнут шпалы хвоей и мазутом,
Как, помню, пахли руки у отца,

Когда, едва явившись на рассвете
И вымыв руки с мылом во дворе,
Давал он леденцовые конфеты
В ревнивые ручонки детворе...

Иду по шпалам.
Тает над полями
Лучей июньских нежное тепло.
Перемигнусь с далекими огнями —
И на душе спокойно и светло.

ЮЖНАЯ НОЧЬ

Я опять опускаю весло.
Ночь, темно, а просторно для взгляда.
Так хранит в себе мглу и тепло
Золотистая гроздь винограда.

Так и я и себе силы коплю
Для добра, для любви и для прочих
Чувств хороших...
И нежно люблю

Эти мягкие южные ночи.
Так куда ж мы теперь поплывем,
Муж мой милый, на этой лодчонке?
Вот опять мы е тобою вдвоем

Посреди серебристой речонки.
Острый месяц у иен под полон;
Шевелятся вдоль берега ивы.
И глаза твои полнятся мглой—
То ли грустною, то ли счастливой.

В МИНЕРАЛЬНЫХ ВОДАХ

На станции моей, который год
Зов поездов и запах гари свежей.
Открыт аэропорт, снует парод,
Вес больше мимолетный, мимоезжий.

И мне не по себе среди него
С моей ревнивой преданностью этим
Домам, полузасыпанным листвой,
И старикам па лавочках, и детям...

Я здесь себе построила жилье,
Сюда я с полдороги возвращалась.
Здесь детство неразумное мое
Когда-то, как ребенок, потерялось.

Хожу, ищу, но ближним хуторам,
Зову его — ни отклика, ни плача...
И только песни слышу по дворам
И новые, и старые казачьи.

***

Растрогав запахи лесные,
Прошли дожди в начале дня,
И вновь весенняя Россия
Открыто смотрит на меня.

Что будем делать мы сегодня?
Работать лучше, чем вчера...
Листвою пахнет прошлогодней
Дымок далекого костра.

Он полнит памятью веселой
С утра мне душу через край,
Как будто снова надо и школу
Бежать на праздник Первомай.

Но нет, нора мне на работу.
Вон с недоспавшими детьми
Соседи в утренних заботах
Спешат и хлопают дверьми.

Чему-то школа научила,
Чему-то — жизнь, чему-то — мать.
Тепла я в меру получила,
Настало время отдавать.

ПРОВОДНИЦА

Гремя на стыках, поезд мчится.
В вагоне тусклый свет стоит.
Белье считает проводница
И недоверчиво глядит.

Она устала, отвечая
За всех подряд и всем подряд.
Здесь вечно требуют, скучают,
Острят, качаются, сорят...

О чем, скажите бога ради,
Хлопочет ночи напролет
Она с подругой по бригаде?
Непосвященный не поймет.

Я тоже в прошлом проводница.
Не знать ли мне ее забот!
И тороплюсь посторониться,

Когда она чай несет,
Чтобы нечаянным движеньем
Не оказаться на виду
С моим глубоким уважением
К ее нелегкому труду.

НОЧНОЕ ДЕЖУРСТВО

За три часа от Тулы до Москвы
И выспаться бы можно, да тревожно.
Когда в окне темно до синевы,
И буксы накаляются безбожно.

Постукивает дверь.
Летим и спим.
Стоянкою порой обеспокоен,
Очнется пассажир: «Зачем стоим?»—
И вновь уснет, закрыв лицо рукою.

Скользнут пристанционные огни,
И по вагону облако промчится,
Высвечивая простыни, ступни,
Уснувших обезволенные лица.

И явственно увижу над собой
Сквозь беглое неясное свечение
Судьбу, соединенную с судьбой,
И снов людских туманное стечение...

Но, преодолевая их гипноз.
Опять схожу с подножки на стоянке,
И вновь меня па каждом полустанке
Легко встречает утренним мороз

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Было много дорог впереди, да немного осталось.
Позади лишь одна - мне теперь возвращаться по ней
в то далекое утро, где я родилась, удивлялась там,

где мама хлопочет, и речка бежит меж камней.

Это скоро случится.

Проснусь, как воскресну, и тут же вновь на звук
незнакомый пойду и пойду далеко,
гляну: женщина в ярком платке, не скрывающем уши,
громко дует в рожок и, смеясь, раздает молоко!

Это было давно, и она умерла.

Ну, да что же?

Добрый, солнечный свет, ты всевидящ, могуч и высок
и скажи, если так, объясни без утайки, но кто же
рано утром смеется и дует призывно в рожок?

И встают предо мною сады в белопенном кипенье,
те калитки и женщина в ситцевом ярком платке;
к ней ребенок спешит, спотыкаясь в смешном нетерпенье,
и спешит, как улитка, старушка с бидоном в руке.

* * *

Мама штопала.

Пламенем острым

В темной печке краснели дрова.

Перессорившись, старшие сестры

На скамейке плели кружева.

Мимо снежная буря летела.

В окнах белая хмара плыла.

Мать на нас незаметно глядела

И пытливые речи вела.

Кто крутился вчера у калитки

В пиджачишке и в шапке большой?

Ладно, если повадился к Лидке,

Ну, а ежели к нашей старшой?

Мать тревожилась, сестры молчали.

Слышим - стук. Вроде некому быть...

Поняла я: дожди постучали.
И отправилась дверь отворить.

Вышла, вижу: одну из проталин
Мама штопает в мартовском дне.
- Показалось иль вправду стучали?
- Показалось... Но это ко мне.

Птичьим гомоном даль говорила.
Таял лед и помалкивал сад.
Я какую-то дверь отворила
И уже не вернулась назад.

ДЕТСТВО

Где-то бабахнет в ночи.
Что-то в стекло застучится.
Кто-то вбежит - и вскричит:
Град перебил черепицу!»

Молния зыркнет во мгле.
Спрыгну с постели, спросонья
Большей беды на земле
Просто еще не припомня.

Значит, не зная пока...
Словно не в городе сонном
Мчит грозовая река,
А в мирозданье бездонном.

Через мгновенье пойму,
Что, почему это было:
Снова в отцовском дому
Детство меня посетило.

Ну, вот и мой сентябрь наступает
И, что ни день, судьбу мою иначит.
Я знаю, что пройдет и мой черед
Быть молодой и праздновать удачи.

Шумят, шумят на родине дворы
Разноязыкой музыкой и попьем.
Идут, идут осенние пиры
По случаю зарплаты, воскресенья...

Ты потерял любимую во мне,
А я в тебе — любимого и брата.
Ну, что же, одиночество вполне
Мной честно заработанная плата.

Я золота нисколько не коплю,
А вот слова на ветер не бросаю...
Ах, как я воскресения люблю!
По невпопад и редко воскресаю.

Люблю, люблю изменчивый сентябрь
С приметами и осени и лета!
Как бабочка, вмурована в янтарь
Неяркого рассеянного света,

Потрачу одиночество на труд
Порою колдовского воскресенья,
Пока пиры по улицам идут
В короне изобилия и веселья.

В ИЮЛЕ

Лишь начинал пересыхать бурьян
Под солнечным полуденным горением,
Плыл над лугами плотный, как туман,
Тяжелый дух пахучих испарений.

Я не превозмогала этот чад.
Июль дышал, мою смущая душу
Дыханием живым.
И по ночам
Листвою пахла теплая подушка.

Как будто тополь сладко спал па ней
И, спохватясь перед моим приходом,

Ушел тайком, теряя пух с ветвей,
Задворками, бегом — по огородам!

А вслед за ним гналась в ночной тиши
Ленивая собачья перепалка...
Мне не спалось, мне так хотелось жить,
Что засыпать до боли было жалко.

СИНИЙ БЕРЕТ

Мама купит мне синий немодный берет
(вот на что она деньги копила!),
тот, который себе в молодые года
так хотела купить — не купила.

Выйдет на люди вместе со мной,
оглядев весь мой облик чужими глазами.
Просветлеет, довольная делом своим:
и не хуже людей на базаре.

Тетя Валя ей встретится, заговорят.
Буду рядом стоять не мешая.
Мама скажет, взглянув на берет: «Это дочь».
Тетя Валя похвалит: «Большая».

Тетя Паша ей встретится, заговорят.
Снова буду стоять не мешая.
Мама скажет и ей: «Это младшая дочь».
Тетя Паша похвалит: «Большая».

Толку в том, что большая...
Но счастлива мать, и стою, что княжна па портрете -
воплощением маминой синей мечты
о достатке, красе и берете.

Памяти комсомольцев

Гриши Дулина и Ильи Иванова

Это было в нерадостный год.
Шли бои, все вокруг грохотало.

А мальчишек не брали на фронт:
Им для этого лет не хватало.

Появлялись листовки окрест.
Кто-то немца убил на полянке,
Кто-то ночью взорвал МТС,
Где захватчики ладили танки.

Итога заходили кругом
Слухи, слухи с большими глазами,
Что за каждым кустом и углом —
Партизаны.

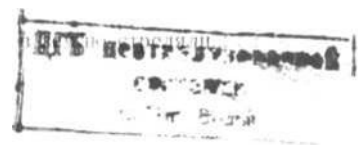
...Взяли вечером Гришу, Илью
Там, где были и в чем они были.
Повели по сухому жнивью
И тупыми прикладами били.

Им готовили десять смертей.
Только мама не знала сначала
И кричала: «Не бейте детей!»,
«Отпустите их!»— мама кричала.

Но враги не сломили орлят.
И, когда их живьем закопали,
Шевелилась земля, говорят,
Как живая. И в землю стреляли

Говорят и теперь по селу:
Только вьюга заплачет, закричит —
И уходит старушка во мглу,
Словно сына по-прежнему ищет.

И идет по замерзшей земле
Там, где нынче стоят обелиски,
И смолкает метель на селе.
Как дитя па руках материнских.

* * *

Роняют клены листья в вышину,
Отделанные золотом богато,
Как лишний груз с идущего ко дну,
Охваченного пламенем фрегата.

И листья опускаются на дно,
Подсвеченные солнечным потоком,
И девочка в раздумье одиноком
Глядит на них в вечернее окно.

Она читала что-нибудь сейчас...
Миры людей, их мелочные войны —
О, все и вся для этих свежих глаз
До срока осуждения достойно!

Такая вера в собственную власть
Над случаем — удачей, невезеньем
Во взгляде том, что боязно попасть
Мне в круг ее насмешливого зренья...

И все же я не выброшу на дно
Вслед листьям дневничок свой позабытый,
Где девочка печально и открыто
Глядит на мир в вечернее окно.

ЗНАКОМОМУ ХУДОЖНИКУ

Лето красное в разгаре.
За бесценок, говорят,
На Семеновском базаре
Продается виноград.

А у нашего Назара
Столько денег в кошельке,
Что придется нам с базара
Возвращаться налегке.

Ничего.

Пойдем, Назар.
Поглазеем па базар.

Полосатые арбузики
Кажут беленькие пузики;
Вьются хвостики у них
Наподобие свиных.

Лук, цыплята и копилки,
Самодельные цветы,
Мухобойки и картинки
Всевозможной красоты.

Три русалки, три фигуры.
Все — одна другой под стать.
Но одна из них с натуры
Нарисована, видать.

Это что за медальон?
Купидон изображен.
Три сердечка на стреле,
Как шашлык на вертеле...

Что нахмурился, Назар?
Иль не нравится базар?
Тут и жизнь, тут и музей:
Трогай, пробуй и глазей.

***

Работа, любовь, расставанья,
Порою – пустое житьё...
Я юность прочла без вниманья,
Не вникнув в значенье её.

Там ветер раскачивал сливу
В неярком и позднем цвету.
Припомню я все терпеливо
И снова сегодня прочту

Страницу, где, горестно плача,
Наивно решаю вопрос:
Так что же на свете я значу?
Напрасно. Не стоило слез.

Пусть жизнь мою ветер листает
С начала, а после — с конца!
Работа, любовь...
Облетают
Цветы у родного крыльца.

Ах, мама! Ну, здравствуй, родная...
Но долго из давнего дня
Глядит она молча, седая,
С трудом признавая меня.

***

Это верно:

к шумному застолью
И к веселым шелестам в саду,
Будто бы застигнутая болью,
С головой опущенной иду.

Глаз не поднимая от дороги,
Чувствую, что где-то в облаках
Сеть звезда, невидимая многим, —
Так она мала и далека.

Свет ее не ярче темной ночи,
Отраженной в стареньком пруду...
Холодно мне, холодно.

Нет мочи

Видеть эту мутную звезду.

Может быть, поэтому не знаю —
Я всегда забочусь о тепле
И люблю, люблю, моя родная,

Все, что есть земное на земле.

В МУЗЕЕ

I

Вот, сдав пальто служителю музея,
Мы все охорошились, а потом,
По сторонам почтительно глаза,
Вступили робко в лермонтовский дом.

Мы знали: в этом доме все воспето.
Но были, заготовленные днем,
У каждого стихи «На смерть поэта»
И мысли сокровенные о нем.

И я по пригласительной открытке
В турнире, сопряженном с торжеством,
Осуществляла дерзкую попытку
Встать вровень с недоступным божеством.

На цыпочки вставала, глядя в лица,
Кляла давно разрушившийся трон.
Клеймила я бесчестного убийцу —
Мартынова.
Отмалчивался он.

И, слушая стихи, со мною вместе
Друзья, сюда пришедшие, как в храм,
С неудовлетворенным чувством мести
Сердито озирались по углам.

А по углам меж тем уже смеркалось.
Давным-давно остывшее жильё
Казалось мертвым и перекалялось,
И гасло красноречие мое...

II

Когда уже собранье расходилось,
Предвидя надвигавшуюся тьму,
Сама не знаю как, я заблудилась

В неосвещенном маленьком дому.

И обмерла, аукаться не смея.
Сюда вошли, там вышли, а потом,
По сторонам почтительно глаза,
Стояли здесь...

Вдруг в воздухе пустом

Послышался мне голос тихий, дальний,
Привиделся сморкающийся свет...
Еще сидели рядом на диване —
Не может быть - убийца и поэт.

Вселенную отныне разделяла.
Как паутина, призрачная нить
Ограды, на которой зависала
Табличка с запрещением «Не входить».

Язык французский плыл по коридору.
Как оба равнодушны, боже мой,
Один из них — к посмертному позору,
Другой — к посмертной славе мировой.

Он то острил, то грел в руке бокал
И, словно вспомнив нечто несмешное,
Как уходил, надолго замолкал,
Не тяготясь возникшей тишиною...

III

Пожалуй, описать я не возьмусь,
Как он гасил свой смех на середине,
И в нем темно просвечивала Русь,
Как косточка в налившейся калине.

Так вот откуда этот красный свет
(Вполне живой была его корона)!
Сидят вдвоем — преступник и поэт.
Царем поэт объявлен вне закона.

Объявлен — и теперь его убить

Посмеет даже этот белозубый,
Который, прежде чем заговорить,
Покусывает мнительные губы.

Чем не убийца он? И, наконец,
Кто призовет безумного к ответу,
Когда он всадит дружеский свинец
В ранимого опального поэта?

Ах, «есть и божий суд»!
Но бога нет,
И нет суда, а только пересуды,
Когда в свинцовом холоде поэт
Вконец окоченеет от простуды...

IV

И я смахнула призрачную нить.
Она, как паутина в чистом поле,
Виясь, взлетела, выпустив на волю
Виденье света... Можно уходить.

Не надо было трогать эту связь,
Едва обозначавшую границу.
Я умерла, чтоб заново родиться,
И до сих пор еще не родилась.

Но я слыхала тихий говор звезд.
Я вышла на дорогу. С небосвода
В мои глаза уставились всерьез
Союзники великого народа:

Некрасов, Пушкин, Лермонтов, Кольцов.
И каждый мир шумел над головою,
В тот миг мое присутствие живое
Заметив на земле, в конце концов.

НА РОДИНЕ

Опять ветров осеннего дыханья
Не слышит безотзывная земля,
И не шумят, не требуют вниманья.
У нашего порога тополя.

Как в детстве полупамятном и дальнем,
В провинциальной дремлющей глуши
Все кажется мне мир исповедальней
Восторженной, доверчивой души.

Завижу поезд с полной трубкой дыма,
Заслышу вольный говор журавлей —
Пою, пою... И песня уязвима,
Как сердце уязвимо у людей.

ДВОРНИК

«Подними! Обронила листок!» —
Я березке скажу, и на миг
Вдруг почудится мне, что листок —
Пожелтевший её черновик.

Но березка его не берет:
Отжило, не приклеить вовек...
Сплю и слышу, как листья метет
Одинокий, больной человек.

По асфальту метелкой скребя,
Жжет костры, наклонясь тяжело,
И бормочет почти про себя:
«Не приклеить, навек отжило...»

* * *

Будто бы вымерла высь.
Вот и закончилось лето.
Л для цветов-однолеток

Нынче закончилась жизнь.

Я человек, как и ты.

С болью в подавленном вздохе

Переживаю эпохи,

Переживаю цветы...

ДОМА

Листвы июньской мягкое крыло,

Покачиваясь, дремлет па весу.

И сумрачно сегодня, и тепло

На улице родимой, как в лесу.

И сердцу, как пугливому птенцу,

Охота в пух уткнуться, в тополя...

Летает пух.

И пахнет, как в лесу,

Сырою земляникою земля.

Я отдыхаю, мама. Говори

О ценах на зерно, что пишет внук.

Рассказывай, родная, не смотри.

Что я гляжу рассеянно вокруг.

Я слушаю тебя... И в глубине,

Случайно застоявшейся во мне,

Смолкают грохот скорых поездов,

Заботы, разговоры городов.

Я слушаю тебя и вижу дом,

Цыплят и дверь дощатого сарая,

Вслед за тобой счастливо сознавая,

Что все здесь честным нажито трудом.

***

Когда – и не сестра мне, не подружка -

Читала ты с незримого листа

Судьбы моей недолгой повестушку,

Но пропуская общие места, -

Я так себя стыдилась, так жалела,
Что до сих пор жила я как-нибудь...
А ты прочла меня и подобрела,
Хотя и не одобрила ничуть.

И вновь своей отправилась тропею,
Оглядывая сонные дворы.
И связывали нас с тобою,
И часто разлучали до поры

Те вечера, когда почти с испугом
Мы вновь сверяли поиски в конце,
И я не знала, недруга иль друга
Найду в твоём изменчивом лице.

* * *

Видишь: там, на крутом берегу,
Где проносятся вспышки огня,
На ветру, удилами звеня,
Белый конь поджидает меня.

Он стоит и дрожит у воды,
И такое терпенье хранит,
Что ковыль у колен молодых
Синим пламенем молнии горит.

Прогоняю коня — не идет.
Накричу на него — промолчит.
Гляну: это лишь месяц плывет
И огромную гриву влачит.

ЛЕЛЬ

Этот русский любовный божок,
Некапризный и тихий ребенок...
Он плетет в липняке сапожок,
Он играет ветвями черемух.

А когда он на днях проходил
За межою колхозного сада,
Ты свистульку ему смастерил,
Я дала ему гроздь винограда.

И, чураясь разбойничьих игр
Ребятишек, галдящих у окон,
Он шагнул в прошлогодний тростник,
Оглянувшись па нас одиноко.

По покуда стоял он в тени
У плетня с осторожностью лисьей,
Ты шепнул изумленно: «Взгляни!
На плетне распускаются листья...»

ДРУГУ-СТИХОТВОРЦУ

Очнулся и мечешь перуны...
Никто твоей строчки не крал, —
Пока ты настраивал струны,
Другой твою песню сыграл.

И, значит, от слова до слова,
Давно уже мир облетев,
Была эта песня не новой,
Не новой, а так, перепев.

Придуман к мелодии строки
Такие, чтоб нынче и впредь
Помимо тебя да эпохи
Их некому было бы спеть.

ПЛАЧ ПО РЕКЕ КУМЕ

Обмелела Кума, обмелела...
А бывало: затают снега —
И она побежит ошалело,
Подмывая свои берега.

А домишки, зажмутив ресницы
Синих ставен, толпились, вдали
И боялись к реке подступиться —
Во владенья песчаной земли.

Не купаются люди и кони.
Ах, Кума, по твоим берегам,
В лебединой изогнутой пойме —
Ржавый лом и бессовестный хлам.

Видишь, круглые вывернув губы,
В облысевшей земле, на краю,
Проливают незримые трубы
Что-то липкое в воду твою.

И под ивой засохшей, согнутой
Жирным слоем по зеркалу вод
Акварельная магма мазута,
К берегам прикипая, плывет

Что же делать? Искать виноватых?
Я стою и смотрю тяжело.
От восхода зари до заката
По Куме мое детство прошло.

ВЕСЕННЕЕ ВОСКРЕСЕНИЕ

Над полем, над лесом, над мартовским садом
Среди подобревших лучей
И выше, и дальше – над миром, над чадом-
Широковещанье грачей!

Вставай, просыпайся. Грачи прилетели.
Зима отбывает. А с ней,
Дымясь, восвояси уходят метели,
Лениво вставая с полей.

Туда за овраг, где чернеют полянки,
С крыльца, как моряк с корабля,

Мальчишка в огромной отцовской ушанке
Орет: «Показалась земля!»

Какие снега были этой зимою!
По шею, по крышу жилью.
И в спячку хотелось уйти нам с тобою
Подобно лесному зверью...

Но все обошлось. И грачи закричали.
Я думаю: как хорошо!
Мы этой зимой пережили печали
И не одичали душой.

ДОРОЖНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

По улице проехала телега
Коняге на унылые бока
Ложились хлопья тающего снега,
И не было в телеге седока

Наверное, какой-нибудь прохожий,
Застав коня случайно одного,
Задумал пошутить: подергал вожжи
И по-хозяйски цокнул на него.

И конь пошел, пошел неторопливо,
Понюхивая мерзлые следы,
Наверное, по-своему счастливый
Что он сейчас не чувствовал узды.

Но пары ярких фар – одна, другая,
Из утренней выныривая мглы,
Неслись к нему, горя и не мигая,
Заборы, огибая и углы.

Он пятился, отфыркивался паром;
Телега подступала тяжело,
И вдруг, полуослепшего, на фары
Машин его зачем-то понесло.

Забывшего дорожную систему,
Где всяк держись потока, стороны,
Его несло на клумбы и на стены
До новой клумбы, тумбы и стены.

...Бывают у людей глаза, как фары,
Когда такие глянут сквозь меня
Одной непроницаемою парой,
Я вспоминаю этого коня.

***

А ты вес смотришь на меня
Со дна своих печалей —
В ночи глубокой, шуме дня
С бедою за плечами

В таком краю в твоей судьбе.
Где долго ты не пела,
Куда на помощь я к тебе
Когда-то не успела...

Меня за это не виня
И не коря молчаньем,
Ты просто смотришь на меня
Со дна своих печалей.

***

Я все в тебе люблю:
и тридцать лет,
и дум твоих невинное согласие,
и страсть твою...
Но будущего нет
у нашего ворованного счастья.

Над нами август
крылья распростер;
куда ни кинься — трепетно и грустно

езде я вижу
гибельный простор
для твоего доверчивого чувства.

Мой дивный август!
Ржавчина листа,
полеты звезд, семян и паутины...
Как грустно целовать твои уста,
отравленные горечью рябины!

***

Кому в такую рань не спится?
То плач доносится, то зов...
Снуют, как погорельцы, птицы
У полыхающих лесов.

Летают шумно у деревьев,
Ошеломленные на вид,
Как будто веря и не веря,
Что все в лесах перегорит.

Перегорит! Открою ставни,
Пройдусь, но листьям у окна.
Полнеба в зареве. В тумане
Сырая даль растворена.

Пора бы мне остепениться.
Была любовь — любовь ушла...
Но память мечется, как птица,
Вокруг остывшего тепла.

* * *

Все равно я счастливой была,
Когда в сердце твоём я царила,
Ревновала тебя и гнала,
Л йотом за отлучки корила.

Ты плечами в ответ пожимал,

Говорил: «Что ни день — то событие.
Но, однако, меня понимал
То ли опытом, то ли наитьем.

Зорко в милости видел любой,
Что нестойкою властью крутою
Все ж царила не я, а любовь —
Оба мы у нее под пятою.

Ты когда-то слышал, что она,
Если длится, то очень недолго.
Так за бурей следят из окна —
С чувством ужаса или восторга.

И, душой опустев от тревог,
В чае, когда отстоятся потемки,
Озираясь, идут за порог
И стоят, и глядят на обломки...

** *

Оставь мне память о былом
Хорошей и неполювинной.
Я не жалею ни о чем.
Когда приходишь ты с повинной

Неважно, из двоих к кому
Ты вдруг спиною повернулся...
Не то изменой я зову,
Что ты ушел, а что вернулся.

***

В ясный полдень я не слышу,
Как подтягивает струны
Ливень, чтобы зазвучала
Удивительная арфа.

В ясный полдень я не вижу
Облаков: они до срока

Глубоко запали в небо
Вместе с пухом тополиным.

Ты чужой еще, но рядом,
И присутствие живое
Назревающего счастья
С беспокойством ощущаю.

***

Есть столетья - у стран и пародов
Золотыми зовутся они.
У тебя были лучшие годы
У меня были лучшие дни

Я тебе ничего не дарила.
Просто в том золотом сентябре
Я горела, сняла, парила,
Словно солнце в хорошей поре.

Отсняла уже, отгорела,
Не оставив па небе следа.
Так зачем же меня то и дело
Возвратиться ты просишь туда?

Будто я пред тобою виновна,
Что тогда я другою была.
Все молчу, уличенная, словно
Я и вправду тебе солгала.

***

В твои глаза взглянула - и забылась.
И длилось, длилось это забытье...
Когда очнулась, все преобразилось
За долгое отсутствие мое.

Которое уже цветенье сада
Вокруг дымится прямо из земли?
Вскипевший хмель пролился за ограды,

В цветной пыли купаются шмели.

Весенний воздух - легкий и тенистый -

Весь перебит душистою листвою.

Весь пересыпан щебетом и свистом

И околдован солнечной игрой.

Его тепло мы пьем нетерпеливо,

Медовое и горькое на вкус.

Ты от него становишься счастливым,

Я от него печальной становлюсь.

***

Когда одна в своей судьбе

Сижу я без огня,

Я так завидую тебе,

Что любишь ты меня!

Вот так завидуют в душе

Стареющий - юнцу,

Поэт, прославленный уже, -

Безвестному певцу,

Унылый - радости людей,

Богатый - бедняку.

А ты все просишь:

«Пожалей. Любовь мою, тоску...»

НОЧНОЙ ДОЖДЬ

Спала, спала я, пробегая наспех

Сны, полусны... Но где-то в глубине

Во мне не засыпало чувство счастья,

Что мой любимый снова дарит мне.

И дождь не спал, топтался у порога,

И, обронил случайный гром, как грош,

Все во дворе обшарил, перетрогал

Неразговорчивый осенний дождь.

Мне спился дождь. Он был давно не молод.
И, мучаясь в бессонице своей,
Искал он для общенья робкий повод
С душою неуснувшей моей.

И не случайно мне казалось утром,
Что, весь в дождинках, солнцем ослеплен,
Молчал счастливо, выговорясь будто,
У нашего окошка старый клен.

***

Веток осенних пучок,
Солнышко посередине...
Так золотой паучок
Виснет в своей паутине.

Вот остановится, вот.
Ветви неслышно качая,
В них домовито снует,
Перебирая лучами.

Нравится осенью мне,
Миру доверившись слепо.
Молча в лесной тишине
Слушать природу и небо,

С каждой букашкой дружить
И ничему не дивиться,
Видя, как белую пить
Тянет железная птица.

РАЗЛУКА

Этой осенью непогодь, морось...
Не опишешь всего вкратке,
Что случилось и перемололось
Здесь со мной от тебя вдалеке.

Видел ты по лесам на рассвете,
Как у взрослых осинок порой
Осыпаются мелкие ветви
Наравне с запоздалой листвой?

Забываю и я, забываю
Добрый взгляд твоих пристальных глаз,
Повзрослевшей осиной теряю
Все, что помню и знаю о нас.

И меж нами растет расстоянье,
Заполняется днями, людьми
В этой тихой поре убыванья
Листьев, света, тепла и любви.

***

Ты станешь добрее и проще
Твой лик осветлит листопад,
Когда отшумят твои рощи
И птицы твои улетят.

Тогда б нам и встретиться чудом!
Но только, другого любя,
Я к этому времени буду
Опят далеко от тебя

Во времени мы разминулись
Всего лишь на несколько лет
И только в толпе оглянулись
Внезапно друг другу вослед.

***

Промчалась эта осень очень быстро
С дарами лета красного в руках,
И второпях она теряла листья,
Лучи, дожди и яблоки в садах.

Глядела я, глазам своим не веря,

Как лето исчезало из дубрав,
И думая об осени: «Растеря»,
Залетный лист в подъезде подобрал.

Ну вот, прошла пора очарованья...
Свободно по задумчивым дворам
За ней прошла и разочарованья
Такая ж мимолетная пора

И, может завтра около рассвета
Внезапно зрелость явится ко мне,
Когда рекой безжалостного света
Морозный снег объявится в окне.

ЛЕСНОЙ КОСТЕР

Гори, костер!
Легко мне и тревожно
Беречь во тьме огня короткий век:
На свет в лесу приходят осторожно
И добрый, и недобрый человек.

Гори, костер лесной!
И, может спаться,
Любимый спросит: «Страшно у огня?»,
И я солгу: «Мне нечего бояться,
Когда мой друг, ты около меня...»

***

Всю себя раздарила река,
Разбрелась по голодным каналам,
А потом в прикаспийских песках
Обмелела, засохла, пропала...

Вот такая судьба у реки,
У которой выросла моя вишня.
О, мои золотые пески!
Все, была моя сила, да вышла.

Не мешай! Не могу я любить.
Я воюю с песчинкой – и, боже,
Как меня она может убить!
Как она воскресить меня может!

***

Пора обещаний, прощай!
Хлеб убран, и труд подытожен...
Но как мне понятна, о боже,
Деревьев и пашен печаль
О том, что еще не сбылось
В рожденьях ушедшего лета,
Бездумною прихотью ветра
По дальним степям разбрелось...

***

Чудный свет над землей застоится
Где-то в самом конце октября.
Улетают куда-то жар-птицы,
Что удачей и счастьем дарят.
Не листва облетает с деревьев,
А жар-птицы, прощаясь на год,
Всё роняют прекрасные перья,
Чтобы нас одарить наперед.

* * *

Рябина красная, златолиствяная,
Зачем в пустом лесу одна горишь?
Зачем под ветром ты, как будто пьяная,
Все сокровенное вслух говоришь?
Гляди, пожалала я не все, что сеяла.
А время быстрое уходит прочь.
И ходит по небу луна осенняя,
Как мерный маятник, из ночи в ночь.

Уже темны давно, леса стоят стеной.
Зимой напугана, слегла трава.
Не спи, рябинушка, поговори со мной,
Пока горишь еще, пока жива.

***

Сижу подолгу без огня.
Смотрю на окна и на крыши...
Стихи забросили меня,
Стихи давно меня не пишут.

А я все слышу, не дыша
От состраданья и любви,
Как чья-то мается душа,
Не воплотившаяся в слове.

И знаю я, как ей помочь,
Но не могу пошевелиться,
Как сном опутанная птица,
Переживающая ночь.

* * *

Сколько инея! Роща, что кокон,
Вся опутана вязью сквозной
Белоснежных и мягких подокон...
Что в глуби созревает лесной?

Там, в глуби этой рощицы белой
(Только поле померкнет вокруг),
Весь трепещущий и оробелый,
Огонек зажигается вдруг.

Это зимнее солнце садится
Прямо в рощу. И в свете зари
Вся она заблестит, заискрится,
Как волшебный фонарь, изнутри.

И такая подступит тревога!
И почудится мне до поры,
Будто там приоткрылась дорога
На мгновенье в другие миры.

* * *

Вот такая для сердца обуза —
В мире жить не единственным днем.
Легче быть перевозчиком грузов —
Океанским большим кораблем.

Приплываешь в знакомую гавань —
Разгружают заботы в душе.
Нагружают... Но горечь другая
Исключает былую уже.

Он из гавани в гавань безопасно
Проплывает свой путь не спеша.
...Не корабль я. И пусть бесконечно
Наполняется жизнью душа.

СНЕГОПАД

Тишина. Даже слышно, как свет
От земли белоснежной струится,
Даже слышно, как падает снег:
Покружит, покружит и ложится.

Хорошо-то как, господи... Грусть
В снегопаде неспешном и вольном
Или радость — не знаю, боюсь:
Мне от них одинаково больно.

Как легко в эти дни я тружусь!
Не хожу, а летаю как будто.
Покружу, покружу — и ложусь,
И опять начинается утро.

И опять, начиная с утра,

Светлый путь совершаю по кругу.
На земле и в душе, как вчера,
Свет и снег переходят друг в друга.

***

Не конурою Бобик дорожит,
Где он немало горя перемыкал...
Он верный пес. Но с лаем не бежит.
Когда скрипит и хлопает калитка.

Таких гостей впуская, что опять
Занегодует в нем собачья память.
И нелегко бывает устоять,
Чтобы пришельцев громко не облаять.

Но сам хозяин сделался что гость:
Он редко трезв. За преданность святую
Ударит сапогом, подарит кость
Иль, рухнув на колени, расцелует?

Так Бобик негодует и молчит,
И прячется, что кур, с заходом солнца.
Он где-нибудь вскульнет да порычит
И, крадучись, в конурку заберется.

И лишь когда погаснет в доме свет,
Забудется хозяин, засыпая,
Как долг велит собачий, Бобик вслед
Случайному прохожему залает.

КРЕСТИНЫ

Ой, кума сошла с ума:
Пляшет или бесится?
Напросилась-то сама
Па крестины первенца...

На себе Петра женить
Не смогла, гулящая.

Хочет крестной мамой быть
Рядом с настоящей.

Петя, Петя, это тьма:
С дочкой коновала
На твою любовь кума
Ночью колдовала.

Лили в воду лунный воск,
Каменея лицами,
И до самых поздних звезд
Ржали кобылицами.

Толку нет в её красе.
Знать, кума — не девица:
Женихаются к ней все,
Да никто не женится...

Не встречай Петра, кума,
Там, где слух слоняется,
Не своди его с ума,
Он остепеняется.

Ты иди, кума, иди!
Хватит, напроказила.
Отвернись и не гляди,
Чтоб дитя не сглазила!

...Шла кума по большакам,
Шла вечерней зорькою,
И катились по щекам
Слезы ее горькие.

По проселкам шла в тоске,
Как от боли, корчилась...
Может, сгинула в реке,
Может, в дебрях кончилась.

Не ищи ее, не вой,
Петюшка, сердечко.

Нет кумы. Теперь Кумой
Называют речку.

***

И мой бы день теперь был тих и светел,
Когда бы в предрассветной синеве
Вдруг не прошел, вздыхая тихо, ветер —
Босой — по колкой, высохшей ботве.

Он шел и думал, что никто на свете
Не слышал, как вздохнула полумгла...
Я и теперь не знаю, был ли ветер.
Но знаю я, что музыка была.

Какая сила музыку исторгла
Из вечной тишины и улеглась?
Но все во мне вскипело до восторга,
И в сердце чья-то боль отозвалась.

И я уста невольно разомкнула,
Но тихий, жалкий звук произнесла,
Ту музыку, что жизнь в меня вдохнула,
Пыталась повторить и не могла.

***

В домах сидеть неволила зима.
К нам приходила ночевать подруга
Лишь выключали свет мы допоздна
Рассказывали страшное друг другу.

Мела метлой не вьюга, а Яга,
И, делая таинственные знаки,
К нам приближалась Черная рука,
Ужасное нам виделось во мраке.

В печной трубе уныло пел Плакун...
А утром, угорелые от бреда,
В однообразных классах по звонку

Вникали мы в законы Архимеда.

И пахло свежесмытой доской,
Вчерашним днем и тряпкой для уборки.
Витал, как трезвый дух, над головой
Обыденный и резкий запах хлорки.

***

Душе незрелой многое немило,
Когда - в не совладающей с собой -
До срока не испытанные силы
В ней бродят диковатою гурьбой.

Куда их деть? Спросите у веселых.
Они вам, пробегая налегке,
Заняться посоветуют футболом,
А может,— рукоделием в кружке.

Но у меня не спрашивайте вовсе, -
Я и сама у них на поводу,
Хотя давно задумчивая осень
Живет в моем растрепанном саду.

Там истина и светит, да не греет.
Пусть гибельна, но все-таки светла,
Там зрелость над душою тяготеет,
Когда душа, как яблоко, спела.

Раиса Николаевна Котовская **НОЧНОЙ ДОЖДЬ**

Редактор: В.В Кудинов

Художник: Т.А Говоркова

Худож. Редактор: В.А Каретко

Техн. Редактор: А.М Кобыльниченко

Корректор: Е.А Таланова

ИБ № 1015

Сдано в набор 24.09.81. Подписано к печати 10.03.82.
ВГ16536. Формат 70х90. Бумага типографическая №1.
Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 1,75.
Уч-изд л 2,02, тираж 3000. Заказ 3548. Изд №51. Цена 25
коп. Ставропольское книжное издательство, 355000, г.
Ставрополь, пл Ленина, 3. Краевая укрупненная
типография, г. Ставрополь, ул. Артема, 18.

Ночной дождь. – Ставрополь: кн. Изд-во, 1982.

